

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (2312).

Суббота, 7 декабря 1946 г.

Цена 45 коп.

Товарищ И. В. Сталин делает доклад о проекте Конституции СССР на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов (1936 г.).

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

День Сталинской Конституции — великий праздник братской семьи народов СССР — советские люди встречали как знаменательную, радостную дату и жизни социалистического государства. Десять лет прошло с тех пор, как в ознаменование Сталинской Конституции. И это десятилетие — блестящее подтверждение незыблемости нашей государственной строя, яркое доказательство того, что социализм и демократия непобедимы.

Народ, воспитанный на благородных идеях Сталинской Конституции, видит в великом законе советской жизни могучую творческую силу, позволяющую ему с огромным упорством преодолевать трудности, с изумительной волей двигаться вперед к дальнейшему расширению нашей Родины.

В советском государстве, основанном на равноправии и дружбе народов, трудящиеся всех национальностей СССР в братском сотрудничестве успешно развивают свое хозяйство и культуру. Это гармоничное по своим масштабам создание стало возможным потому, что «Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР» (И. Сталин). У нас установлено единство экономических и политических интересов народов СССР. Советский патриотизм объединяет все нации и народности страны в единую монолитную семью. В Ленинском сталинском принципе помощи и поддержки развитию национальных культур народов СССР мы видим одну из основ расцвета наших братских республик. Товарищ Сталин учит, что социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура преследует цель воспитания миллионов масс в духе интернационализма и укрепления диктатуры пролетариата.

Только советскому государству, как государству нового типа, стала поставлена колоссальная задача: воспитание и выращение сознательных и активных деятелей культуры в самых глубинах народных. Многообразная культурная жизнь нашей страны преследует цель воспитания миллионов масс в духе интернационализма и укрепления диктатуры пролетариата.

Только советскому государству, как государству нового типа, стала поставлена колоссальная задача: воспитание и выращение сознательных и активных деятелей культуры в самых глубинах народных. Многообразная культурная жизнь нашей страны преследует цель воспитания миллионов масс в духе интернационализма и укрепления диктатуры пролетариата.

Только советскому государству, как государству нового типа, стала поставлена колоссальная задача: воспитание и выращение сознательных и активных деятелей культуры в самых глубинах народных. Многообразная культурная жизнь нашей страны преследует цель воспитания миллионов масс в духе интернационализма и укрепления диктатуры пролетариата.

зительно пирами роста тиражей книг и газет. Все это — плоды великой культурной революции в СССР.

Товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде партии, подводя итоги деятельности партии в области повышения культуры народа, указывал:

«В результате всей этой громадной культурной работы народился и сложился у нас многонациональный, сложился интеллигентный, вышедший из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих, плоть от плоти и кровь от крови нашего народа, — интеллигентный, но знающий ярма эксплуатации, ненавидящий эксплуатацию и готовый служить народам СССР верой и правдой.

Я думаю, что зарождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране».

Известно, что в условиях дореволюционной России малые народы и их культура веками подавлялись парским самодержавием. Народные таланты не находили поддержки и чаще всего погибали.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела на широкую дорожку все отряды братских советских культур. Под знаменем Сталинской Конституции их творчество расцвело, окрепло, стало значительным вкладом в сокращенную художественную литературу.

Наш братское литературное сотрудничество героическими делами строители социалистического государства. Наша литература реалистически изображает подлинно демократический характер жизни советских людей, трудящихся всех национальностей СССР. Преодоление старых обветшалых форм, противоречащих лучшим национальным традициям, способствует то, что наши братские литературы, во главу с русской, всегда устремлялись к раскрытию правды жизни, были охвачены поисками нового положительного героя. Это наглядно можно проследить на произведениях многих писателей Украины и Грузии, Латвии и Армении, Белоруссии, Узбекстана и т. д.

Облик советской страны изменился. В прошлом отсталые и униженные народы поднялись на высокую ступень хозяйственного и культурного развития. И когда мы говорим, что мы уже не те русские, какими были до 1917 года, то это же мы можем сказать и про казахов, и про грузин, и про татар, и про узбеков. Все народы, населяющие СССР, уже не те, какими были раньше. Мы с гордостью восклицаем: где вы найдете такой народ и такую страну, как у нас? Где вы найдете такие великие качества людей, какие проявил советский народ в годы Отечественной войны и каждодневно проявляет в трудовых делах, перейдя к строительству новой Сталинской пятилетки!

Советские литераторы — Самед Вурсул, Нанри Зарян, Сулейман Стадский, Георг

Леониде, Джамбат, Спмон Чиковани, Максим Рыльский, Авелит Исаян, Теужед Пуг, Гамазт Паласа и многие, многие другие — каждый сумел по-своему передать чувство нового в жизни родного народа, воспеть то возвышенное, что связано с жизнью под знаменем Сталинской Конституции. В произведениях таких писателей, как Самед Вурсул, Айбек, Мухтар Ауэзов, открылась перед читателями связь народов со своим классами Вагифом, Павлом, Абам, Узбекский поэт академик Гафур Гулям в книге стихов «Иду с Востока», народный поэт Киринжи Ады Токомбаев, талантливый поэт Украины П. Тычина, М. Баржан, М. Рыльский, Л. Первомайский, Белоруссия — Я. Купала, Я. Колас, А. Бугаев создали новую лирику, воспевавшую дружбу народов нашей Родины, любовь к Родине — любовь, одухотворенную советским патриотизмом.

Реакционеры в буржуазных странах с пренебрежением говорят о так называемых малых народах. Эти люди не считают малые народы способными к творческой деятельности. В Советском Союзе с начала братской дружбы живут большие и малые народы, их литературы имеют разные истоки, разные национальные формы, но течение литературы у нас единое. Писатели всех национальностей СССР борются за един и те же идеалы. Ни в одном другом государстве немалыми ни такая общность, ни такая глубина глубина литературы, ни подлинное братство писателей, как в Советском Союзе.

Пусть Сулейман Стадский — представитель малого народа, — его творчество велико. Мал аварский народ, но значительное творчество старого и ныне еще живущего поэта Гамазта Паласы. Сила народов у нас достигается не «общей перенесью» и не «демографическими сводками», а значительностью дел советских народов, их равным участием в строительстве нашего государства.

Писатели всех братских республик нашей страны, кто творчески так ярко расцвел под знаменем Сталинской Конституции, несомненно стали лучшими, самые вдохновенные строки восторженных предисловий беспредельной любви к самому дорогому человеку, который сшил плоть из плоти СССР, указал им путь к строительству новой жизни и своим гением озарил нашу борьбу за торжество идей коммунизма.

Партия Ленина — Сталина, советский народ высоко ценит литературу, отчетливо видит ее великую историческую миссию и роль в укреплении морального и политического единства народа, в сплочении и воспитании народа. Партия хочет, чтобы у нас было больше духовной культуры, ибо в этом богатстве культуры она видит одну из главных задач социализма. Долг всех советских писателей — честно и ревностно служить этим великим целям, по-лучше помогать воспитать миллионы советских граждан.

Якуб КОЛАС,
депутат Верховного
Совета СССР

Под солнцем Сталинской Конституции

Недавно мне выпало счастье встретиться со своими земляками, побывать в тех краях, где протекало мое детство.

Мы ехали в Новогрудок — город, который выдвинул меня своим депутатом в Верховный Совет Союза ССР. Столбовская дорога проложена по густому сосновому бору; и вот, наконец, Акничинцы, деревня, где я родился.

Вот там, на перекрестке дорог, когда-то стояла наша небольшая хатка. Вот обмешелый столетний дуб, под которым в юности, улочив свободную минуту, я сидел с книжкой в руках. Как и в те далекие годы, вокруг шумят сосны, но тогда в этом шуму мне слышался сиротливый голос нашего «забытого богом края», грусть и кручина нищего белорусского мужика, а теперь даже и основной шум веселее стал, напевней, шире.

Тут волю я даю своим мечтам:
Знакомых мест я скоро не узнаю,
Прочь выметут колхозы старый хлам,
И новые дома уникну сам...

Столбцы, Свитязь, Любчи, Кареличи, Городище, Негизвичи, Заполье, — сколько встреч с крестьянами, рабочими, учителями, обаятельными советскими людьми, встреч, которых мне до конца моих дней не забыть.

Что же сразу бросается в глаза? Огромный культурный рост белорусской деревни! Люди стали неузнаваемы. Забытые в прошлом, точнее, в недавнем прошлом, так как эти края присоединены к Советской Белоруссии только в 1939 году, белорусские крестьяне, знавшие только скрупуозную соху да нищенский надел, говорили со мной о Пушкине и Белинском, они были осведомлены о всех международных делах, читали на память стихи белорусских поэтов, просили прислать новинки советской литературы. Могли ли мы тогда мечтать о такой радости? Воистину на наших глазах советская власть и мудрая сталинская национальная политика совершили чудеса социалистических преобразований.

Вот молодой крестьянин Иосиф Коноп. Мы с ним встречаемся вторично. Сейчас он одет в рижанку, плотную крестьянскую свитку, а при первой встрече, прошедшей вскоре после освобождения Минска от фашистских захватчиков, на нем была гимнастерка — с погонами солдата Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны, он был храбрым солдатом. Пленным к плечу с русскими, украинцами, латышцами он отстоял честь и независимость нашей прекрасной родины, боролся за освобождение родной Белоруссии. С мельчайшими подробностями Коноп рассказывал мне о жизни и делах белорусско-фронтовиков. Во время второй встречи, на митинге избиратель Иосиф Коноп о войне говорил мало: он рассказал о том, как крестьяне выполняют указания Сталина о восстановлении разрушенного немцами народного хозяйства, о том, что они ставят новые дома, открывают новые школы, библиотеки, больницы, ясли.

Под солнцем Сталинской Конституции

В словах его слышались отзвуки большой силы, творческого порыва, вера в будущее, которой живет моя родная республика. Тем же чувствами и мыслями живет и 75-летний резчик по стеклу, искусный мастер Козловский, пожелав крестьянку Шарейко и многие другие мои земляки. Это роднят их всех, советских граждан.

Один из самых приятных дней я провел на берегу величайшего Немана, на стекольном заводе, носящем название реки. Неман — моя любимая река.

Лысье Неман по долине,
Светлый, чистый, как роса,
Проточил он путь свой длинный
Своем зеленым лесам.
Ой, ты Неман, наш навеки!
Полны ты и домины нас,
Улыб илик человека
Ты в волнах носил не раз.
Ты знаком с потылой долей,
С горькой долей мужика,
Причятишь бедняка,
Вечерами над тобою
Плакала свирель не раз,
Как свирелька за слезою,
Песни пелись в тот час...

Не тот, совсем не тот теперь Неман, и не те люди, живущие на его берегах. Просторное помещение гоночного цеха стекольного завода не могло вместить всех пришедших на вечер. С каким огромным интересом слушали стеколовы рассказы о победах Сталинской Конституции, о белорусской советской литературе. И в эти минуты мне захотелось, чтобы на вечер пришли мои младшие собратья по перу и чтобы они еще раз осознали, какая большая творческая ответственность лежит на советском писателе, какое большое доверие дарит ему народ.

Вперед — большая и трудная работа. Мы не просим легкой жизни. Нам надо залечить раны войны, украсить нашу Беларусь новыми городами и селами. И мы это осилим.

До глубины души взволновала меня встреча в местечке Городище с партизанами, чей отряд в годы Отечественной войны носил мое скромное имя.

Нет у человека ничего прекраснее и дороже родины. Человек без родины — нищий человек. На моей родине нет убежденных снегур гор и пальмовых аллей, но она мне милее самых живописных уголков мира. Мне дороги простые советские люди, люди большой души и чистой совести; дороги тихие лесные озера и просторные колхозные поля, сосновые пуши и медленное течение рек.

Я люблю свою Советскую Белоруссию преданной сыновней любовью. Благодаря ей я стал поэтом. Родная Советская Белоруссия оказала мне наивысшую честь, избрав депутатом Верховного Совета СССР.

Кто же нас вывел к проторым богатствам?
Кто нас вывел к солнцу издым?
Под большевистским флагом крылатым
Сталин народа собрал!
Сей он, человек, мир и свободу,
Честно, правдиво, добру и правде,
Славясь и страстными долгие годы,
Средь страны и Кремля!

В Совете Министров СССР

О мероприятиях по увековечению памяти Н. А. Некрасова в связи с 125-летием со дня его рождения

- Совет Министров Союза ССР постановил:
1. Поручить Союзу советских писателей СССР организовать в г. Москве в помещении литературного музея выставку, посвященную жизни и творчеству Н. А. Некрасова.
  2. Поручить Ленинградскому горисполкому и Союзу советских писателей СССР организовать в г. Ленинграде в квартире, где жил поэт (угол Литейного проспекта и улицы Некрасова), Государственный постоянно действующий мемориальный музей Н. А. Некрасова.
  3. Поручить Ярославскому обисполкому реставрировать усадьбу в Карыхе, где жил и работал Н. А. Некрасов, и организовать в ней мемориальный музей.
  4. Совету Министров РСФСР предусмотреть в плане на 1947 год выделение средств на проведение работ по реставрации усадьбы в Карыхе.
  5. Установить мемориальную доску на доме Н. А. Некрасова в Чудовской Луке.
  6. Присвоить имя Н. А. Некрасова: а) Костромскому учительному институту; б) средней школе № 4 в г. Ярославле; в) средней школе № 194 в г. Ленинграде; г) средней школе № 613 в г. Москве; д) школе в селе Абакумцево Некрасовского района, Ярославской области; е) школе при усадьбе Карыха Ярославской области; ж) школе при станции Чудово Ленинградской области; з) Центральной городской библиотеке г. Москвы.
  7. Уредить стипендии имени Н. А. Некрасова в следующих учебных заведениях: а) Ярославском государственном педагогическом институте — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов; б) Ленинградском государственном университете — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета; в) Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов филологического факультета; г) Ленинградском педагогическом институте им. Герцена — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов института и 2 стипендии по 800 рублей в месяц каждая для аспирантов кафедры русской литературы; д) Московском педагогическом институте имени В. И. Ленина — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов института и 2 стипендии по 800 рублей в месяц каждая для аспирантов кафедры русской литературы; е) Литературном институте Союза советских писателей СССР — 4 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов; ж) Костромском учительском институте — 2 стипендии по 400 рублей в месяц каждая для студентов; з) Ленинградском педагогическом училище имени Н. А. Некрасова — 2 стипендии по 200 рублей в месяц каждая для учащихся.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденом Трудового Красного Знамени писателя Тихонова Н. С.

За заслуги в области художественной литературы, в связи с 50-летием со дня рождения, награждать писателя Тихонова Николая Семеновича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ШВЕРНИК.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль
4 декабря 1946 г.

Велград Славянскому конгрессу

Шлем дружеские приветствия и горячо желаем плодотворной работы Славянскому конгрессу, принятому сыграть выдающую роль в культурном сближении соболюбивых славянских народов, в деле дальнейшего укрепления сотрудничества демократической славянской общности. Пусть наше нерушимое единство послужит залогом успешной борьбы за свободный и длительный мир во всем мире.

Секретариат Союза советских писателей:
Фадеев, Симонов, Тихонов, Горбатов, Леонов.

Темиркул УМЕТАЛИЕВ Чудесная книга

Станин книга написана эта.
В ней — всенародная счастья заветы.
Солнцу подобная, радостным светом
Страну озарила чудесная книга.
Первую я раскрываю страницу:
Видю — заводи край мой дымится,
Тучны в колхозах и скот и пшеница.
«В труде — изобилье», — сказала книга.
Я раскрываю страницу вторую:
Школы повсюду. — «Входи же в любовь, —
Знаемому победным вековом,
Ты будешь богатом», — сказала книга.
Третью страницу открыл изумленный:
Мир предо мною вечно зеленый.
— Недугом ты иль трудом, —
Здесь отдых по праву, — сказала книга.
В братстве и дружбе, как
одноплачие,
Русский, киргиз, и грузин, и татарин.
— Кто бы ты ни был, — ты вольный
хозяин.

Земли своей навеки, — сказала книга,
Ленин стоит — исподни над горами,
Вешними день похлещет цветами,
Песнь соловья не смолкает ночами.
В сад счастья вожатим мне эта книга.
Презодел и диньша и мукчу.
Родные жизнь моя крепкой порукой:
Враг лишь протрянет к ней жалую
руку.

Врага обличит завестная книга.
Хинник врасплох не застигнет дозора.
В прах затопчу его на смерть в позором.
Недугу узнает, кто сокол, кто ворон.
Как душу, я берегу эту книгу.
В темь, в бездорожье, в походах
далеких
Шел сквозь огонь я и через потоки,
Бился с врагами в сраженьях,
жестокых,
— Не трусь приговор брать смертелен,
Бурь бешут, но светоч негнетен,
Неугасим он — маяк по-колесий.
Врагу недоступна твердыня — книга.
Нервю и кирпичею
С. ОБРАДОВИЧ.

Максим РЫЛЬСКИЙ

СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

К открытию первого послевоенного Славянского конгресса в Белграде

История славянских народов на протяжении многих столетий представляет собою книгу борьбы с иноземными захватчиками, подчинившими себе отдельные племена и их земли, уничтожившими население, стремившимся заглушить голос народа, поглотить его физически и морально.

Самыми страшными врагами славянских народов были немецкие рыцари-разбойники. Начиная с 658 года они напали на чехоморавские земли, которые находились под их ярмом до конца IX столетия. Немецкие разбойники в течение многих веков не прекращали набегов на великоморавское княжество. В начале XVII столетия чехи на три века попали под австро-венгерское иго, и только в 1918 году Чехия сбросила это иго и создала свою независимую державу. Немцы и поляки догнали землю прекрасной Словении — часть территории Югославии. В захватнических венгерских руках не два и не два томилась Хорватия. Сербия четверть века захвачена под пятой Турции. Две невольничьи державы: восточная и турецкая, на протяжении многих лет она была ареной германских крестоносцев и только недавно вырвалась из тяжелого плена современных пов-рыцарей — гитлеровских захватчиков. Полабские славяне не только подвергались порабощению, но они илли онемечены. Германские рыцари-разбойники, в то время которой немало следов разбойничьих германских зубов. А сколько можно сказать о нашем прошлом, прошлом восточных славян! Все это печальные страницы истории.

Но какой гордостью наполняется сердце, когда вспомнишь о славном Ледовом побоище, где немецкая сила разбилась о силу русского, о победе над немцами князя Даниила Галицкого в 1238 году, о ливонской войне Ивана Грозного. А особенно радостно вспомнить о разгроме немецких интервентов на Украине в 1918 году, о великой победе над гитлеровскими полчищами, которой добились советские народы, окрыленные гением Сталина, обрета мирное признание и мировую славу.

Великое горе славянским народам причинили отсутствие сплоченности и распри, которые сознательно сеяли между ними враги. Разъединяя братские славянские народы, врагам удавалось побеждать и закабалить их. Эту подлестку врагов прекрасно понимал Тарас Шевченко, который писал:

Вот так немчиства спалила
Былую хату и семью,
Славян славянскую братина
И в мир невостановила
Убойно лютую семью.

Между тем история показала, что семья славян непобедима, если она действует в единстве. В славянской битве под Грюнвальдом в 1410 году соединенные силы русских, белоруссов, украинцев, поляков, чехов и литовцев разбили железные полки германцев. Идея славянского единства не раз и не два давала славянским народам, но настоящее свое завершение она получила только в дни Великой Отечественной войны, когда солидарность славян содействовала исторической победе над гитлеровской Германией.

Обединение славян в наши дни становится залогом мирной жизни не только славянских народов, но и народов всего мира. Передовые люди славянства всегда горячо выступали против братоубийственных войн, призывая к единению и сплоченности. Вспомним, как Пушкин в стихотворении, посвященном Мининскому, вознесил польского борца за то, что, как

он говорил о восточных гитлеровцах,
Был бы я, восточный поляк,
В великую семью объединился.

Большая человеческая дружба всегда роднит лучших представителей славян. Мы

ЕДИНСТВО

СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Славянского конгресса в Белграде

Кавчик, как известно, дружил с Рылевым, Бестужевым, Пушкиным и многими другими передовыми русскими литераторами. Эта дружба наложила свою печать на жизнь русского поэта в России. Современный исследователь творчества Мицкевича, польский писатель Бой-Желенский писал, что «высылка в Россию была изгнанием, но и освобождением, можно сказать, самым счастливым событием в жизни Мицкевича», что «пребывание в России сыграло в духовной жизни Мицкевича колоссальную роль».

Тесная дружба связывала Шевченко с революционными демократами Добролюбовым, Чернышевским. Глубоко любил Шевченко Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Герцена. Как по образному выражению Мицкевича, великие поэты подобны принадлежащим к одной семье альпийским скалам, заключающим друг к другу свои высокие вершины, несмотря на то, что их разделяют потоки тесных вод. То же самое можно сказать и о целых народах, раздвинутых кровавой враждой правящих верхушек.

Советская армия освободила славянские народы от ярма немецких оккупантов. Установившиеся между славянскими народами добрососедские отношения, никому уже не удастся нарушить.

Говорю о современном движении славян, движении к объединению, товарищ Сталин сказал: «Союз славянских народов — это не царский великодержавный панславизм, — это союз равных славянских государств. Советский Союз как раз и стоит на страже такого союза».

Веславянский комитет в Москве проделал работу, значение которой пока еще невозможно трудно оценить. Координация славян в борьбе с фашистской Германией была основным заданием, которое он выполнил.

Движение передового демократического славянства к единению и братству растет с каждым днем. В Белграде, городе бессмертной героической славы, создан ныне Славянский конгресс.

За последние годы многие советские поэты побывали в Югославии, Чехии, Польше, Болгарии. Все они увезли оттуда яркие свидетельства истинной любви этих народов к русскому народу. Начиная с XIX столетия в болгарской, сербской и других литературах уделяло много внимания русским. Демократические поэты Болгарии и других славянских народов охотно и плодотворно переводят книги наших поэтов.

Возле Белграда на горе Авала стоит памятник — мавзолей «Неизвестному солдату». Памятник украшен восемью женскими статуями: сербскими, македонскими, хорватскими, герцеговинскими, черногорскими, боснийскими, далматинскими. Как ни старались раскоротить эти народы, они теперь крепко спаяны в единую федеративную Югославскую республику.

В городах и селах Чехословакии, Югославии, Польши огромные толпы празднично одетых людей приветствовали нас — людей Советского Союза, своих кровных духовных братьев, сынов державы-освободительницы. Девушки, воля традиционные сербские хороводы, пели:

Товарищ Тито, товарищ Тито,
Где бы ты и Сталина,
То поздравил от нас русского молодца.

В сербском городе Крагуеваце во время митинга весь народ вступил в хор — русский «Широкая страна моя родная», а вслед за ним — украинский гимн прозвучал Гимн Советского Союза.

Великий украинский поэт Тарас Шевченко оставил нам завет: «Щоб усі слов'яне стали добримі братами». Во имя этого радостно жить и творить.

ВСЕНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Вся советская страна широко отметила 125-летие со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова.

Литературные юбилеи стали у нас по-настоящему всенародными праздниками. В них ярко отражается происшедшая в СССР культурная революция, то новое и небывалое, что внес социализм в жизнь народных масс.

В революционной России передовой писатель был оторван от народа, он тосковал по «читателю-гражданину», по «читателю-другу». Юбилей того времени отмечался главным образом либерально-буржуазной общественностью, без участия прислужников реакции. Для представителей же народных масс места не было вовсе. Неудивительно, что многие наши великие писатели мечтали о таких официальных чествованиях.

Подлинную оценку своего творчества они ждали от будущего народного читателя, от суда истории.

Ленин указывал в своих статьях о Толстом, что только социалистический переворот может сделать великие произведения Толстого доступными всем. Только социалистическая революция принесла писателям всенародное признание.

Потому так гордился Горький «небывалым почетом, оказанным... работе литературному, который проявили «товарищи и граждане Таганрога», праздная юбилей Чехова в 1936 году.

Чествование памяти великого человека и писателя не следует превращать в безотчетные и выспренние выражения восторга по поводу всего, что он делал. В этом отношении образцом для нас должны служить юбилейные статьи Ленина о Герцене и Толстом. Гордость и восхищение великими русскими людьми сочетаются в этих статьях со строго научным анализом их исторической роли.

Ленин дал гениальные по глубине определения сильных и слабых сторон деятельности, мировоззрения и творчества Толстого и Герцена. Все свое огромное значение сохраняет для нас указание Ленина: «Рабочая партия должна помнить Герцена не ради обязательского славословия, а для решения исторических задач, для усиления своего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции».

Достоинством отметить тот или иной литературный юбилей — значит усилить историческое место писателя и те задачи, которые вытекают из творческого развития завершенных им традиций.

К сожалению, литературные юбилеи не всегда проводятся у нас так, как нужно. Уже отмечались ошибки, допущенные в некоторых статьях, появившихся в связи с двадцатипятилетней годовщиной со дня смерти Александра Блока. В этих статьях замалчивались слабые стороны поэзии Блока, которые поэт преодолел на протяжении своего творческого пути.

К 50-летию со дня смерти Лескова вышло несколько книг, посвященных замечательному русскому писателю. Но почти все эти работы, в той или иной мере, свойственно ятушевьяне такой характерной особенностью творчества Лескова, как религиозная проповедь.

Чрезвычайно мало сделано нашими писателями и литературоведами для усиления той роли, какую играют классические литературные традиции в современной литературной жизни. А между тем, проведение каждого большого литературного юбилея могло бы явиться естественным поводом для углубленного обсуждения этого вопроса.

Все эти проблемы естественно возникают в связи с некрасовским юбилеем. Следуя ленинским указаниям, наше литературоведение должно вникать в содержание работы, характеризующих идейный облик великого поэта как революционного демократа. Био-

графы и исследователи творчества Некрасова продолжали выявлять тонкость либерального замечания о том, что «штык либерального угодничества», свойственные порою Некрасову, вытекали лишь из его «личной слабости» и противоречили его основным взглядам. Немало сделано также для того, чтобы очистить некрасовские тексты от цензурных искажений.

Понимание исторической роли Некрасова однако, остается неполным до тех пор, пока не будет уяснена его огромная прогрессивная роль в художественном развитии народа.

В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов показал стремление широких народных масс к освобождению от гнета самодержавного строя, показал, как это стремление рождается из жизненного опыта, из разумной и гнева народа. В этой, по выражению Некрасова, «эпопее современной крестьянской жизни» народ говорит языком своих песен, сказок, поговорок.

Некрасов замечательно владел острым оружием поэта-публициста и фельетониста и яркими красками поэта-песенника, сказателя и живописца родной природы. Это духовное, художественное богатство и многосторонность Некрасова, проникнутые идейной целеустремленностью, — величайшая и ценнейшая творческая традиция.

Творчество Некрасова показывает, какое огромное идейное, духовное содержание может быть вложено в песни, по всему своему складу кровно близкие к песням народа. Многие советские поэты продолжают народно-песенную традицию Некрасова. Но продолжение традиции означает ее дальнейшее развитие.

Именно в наше время, когда, как сказали Толстой, Молотов, «интеллигенция, как передовая и наиболее культурная часть, слилась со своим народом...», поэтическое изображение идейной, интеллектуальной жизни народа приобретает исключительно большое значение.

Создавая образ Гриши Добрословного, вкладывая в его уста «добрые песни», великий поэт еще только поэтически предугадывал будущий духовный рост крестьянских масс. А в наши дни рядовой крестьянка-садовница Марьяма Романовна Голубкова «по-некрасовски» рассказала о том, как песня, сказка и прибаутка помогли ей пройти «горький век», найти «новую дорогу» и прийти в коммунистическую партию.

В герое Твардовского, рядовом колхознике Теркине, ощущается напряженная работа мысли. Теркин, прошедший свои «университеты» в колхозе, знает, что:

Нынче мы в ответе
За Россию, за народ
И за все на свете.

Теркин чувствует и сознает всемирно-историческую роль своего народа и историю зачатую, то уже завоеванное «счастье народа», о котором еще только мог мечтать Некрасов. После войны идейная, интеллектуальная жизнь миллионов советских людей усложнилась и углубилась. В своем журнале «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов говорил о послевоенной обстановке: «Народ хочет осмыслить происходящие события. Его идейный и культурный уровень вырос. Изобразить рядовых советских людей в наши дни значит проследить развитие их мысли, показать это более глубоко и всесторонне, чем это сделано до сих пор нашими поэтами. И здесь-то творческое продолжение некрасовской традиции несомненно, окажется для наших поэтов чрезвычайно плодотворным».

Нет сомнения, что некрасовский юбилей послужит серьезным поводом для творческого, вдохновенного решения задач, стоящих перед нашей литературой.

Великий поэт-демократ

А. ЕГОЛИН

«Я лиру посвятил народу своему», — говорил Некрасов. Его творчество выражало передовые, прогрессивные идеи времени. Позиция Некрасова будила умы и сердца от векового рабского застоя.

Поэт мечтал увидеть родину «свободной, гордой и счастливой». Но всю жизнь он наблюдал страдающих крестьян и городских бедняков, забитых нуждой и бесправием.

Зрелище бедствий народных Непосылкою, мой друг,
Сильнее жмой благородных
Видеть довольно вокруг,
Писал он в поэме «Дедушка».

Народ, родина, революция — коренные темы некрасовского творчества. Его идеал — свободная родина. Всею свою жизнь боролся за право народа быть истинным хозяином своей страны.

Некрасов уважал в русском народе активное начало, «привычку к труду благородному», стремление и способность добиваться свободы революционным путем:

Да не робей за отчину любезную...
Видне достаточно русский народ.
Вынесет все... и широкою, поною
Грудью порою проложит себе

Задача поэта, по мысли Некрасова, состоит в том, чтобы напомнить человеку о высоком его призвании. Он верил, что

Собрався с силами русский народ
И устоит перед грабителями.

Сквозь мрачную действительность крестьянской России провидел Некрасов светлое будущее своего народа и воспел его в возмужающих стихах.

Над рекою Русью тишина,
Но не предвещивает она:
Есть сонный вдали в окошке блещет,
И думу думает она.

Мы с детства Некрасова не только за реалистическое изображение прошлого; поэт нам бесконечно близок своей устремленностью вперед.

Привычная дума поэта
Вперед забегает ей спешит...
В те далекие времена, когда шло великое русское дело, Володя стоял «стеной бескомпромиссной», поэт смело рисовал картины грядущего светлого дня.

Как близка современному действительности некрасовская картина будущего Волги:

Я слышал дважды много
И тот же раз рассказывал,
Но гуд ложного труда
Мне слыше слышать было,
Уныл я докило до седня,
Но издалека
Иных времен, иных картин
Проникнул и нынче.

И вступил на берегов
Моей реки ложной
Особоянней от оков,
Народ неумолимо
Он орав, гудя и ругая
Проблескивая востанья;
Видя муть хаотичную
Судачивыми побуды
Печетливо толкую.

И будет песня бодрый труд
Над этой чухи хаотичной,
Мечты... И верую в народ.

Мечту о прекрасном будущем Россия диктовала Некрасову его вера в высокие моральные качества и силы русского народа.

Некрасов восматывал тем духовным богатством, которое заложено и в крестьянской-батарее, и в «величавой славянке», и в богатейшей русской природе.

В работе спасенное
Сердце свободное —
Володы, золотого
Сердца заложное!

Некрасов превратил крестьянина в судью, допрашивающего, «кому живется в селе», «кому в деревне плохо». Впервые в русской литературе крестьянин был возведен на такую высоту.

Сколько горечи и досады слышится в словах поэта о том, что ему приходится пока «песни петь унылые». Для Некрасова характерна горячее стремление петь песни радости, жажда счастья и веселья. В этом — одна из обязательных черт его творчества. Крупнейшее свое произведение — поэму «Кому на Руси жить хорошо» — Некрасов закончил главой «Общее время — доброе время».

Стихи Некрасова, «свидетели жизни за мир прожитых слез», были преломлены «музыкой лиру», «музы, «ласково поющую и прелекрасную», «е песни сладкозвучные», «гармонично волшебную». Поэт-обличитель был для Некрасова «благородным гением»:

И веря и не веря вновь,
Метве высокого призыва,
Он проповедует любовь,
Враждебным словом отрицая...

Наблюдая современную ему действительность, Некрасов неустанно мечтал о том времени, когда будет возможно подлинное просвещение:

Эх! Эх! придет ли времечко,
Когда (прости, жезанное!)
Далут поинт крестьяннику,
Что роль портрет портретнику,
Что вина чинит историк,
Когда мужик не Блехера
И не мирлода глупого —
Есть бавара поинет?

Горьковской литературе сказывается в ее стремлении к тому, чтобы стать подлинно народным, активным героем произведений стал сам народ! Однако история не дала литературе этой возможности. Для того, чтобы стать народом, человек из народа мог стать активным героем литературы, непосредственно формирующим весь ее стиль и характер, — для этого народ должен был стать главным героем истории, ее свободным и сознательным творцом.

Горький явился первым художником во всей мировой литературе, главным, прямым героем всего творчества которого стал сам народ, вступающий, во главе с рабочим классом и героической партией Ленина — Сталина, на путь самостоятельного, сознательного творчества истории.

Советская социалистическая литература продолжает путь первого в мировой истории народ управитель своим государством, строит свою жизнь. Впервые права человека не только декларируются, но и обеспечиваются всей реальностью победившего социализма. Осуществившись вечные мечты многих поколений.

И героем литературы стал сам народ, свободно создающий свое счастье.

Советские писатели горды тем, что они продолжают и развивают лучшие традиции русской классической литературы прошлого, так много сделавшей для воспитания родного народа в духе демократических идей.

Но перед молодой советской литературой стоит множество таких новых исторических задач, какие не могли стоять перед прежней литературой.

В самом деле, о чем рассказывала людям русская и мировая литература прошлого? Если свести ее темы, образы, мотивы к короткой формуле, то можно сказать, что она рассказывала о такой жизни, главным жанром которой была страшная истина, выраженная в словах Ленина: «либо ты работаешь, либо ты раб, либо ты давишь людей, либо они раздают тебя».

В романе Бальзака «отец Горюн» много-

Все свои симпатии Некрасов отдавал крестьянско-бунтарю. В своем творчестве он запечатлел рост сознания русского крестьянина, развитие в нем чувства человеческого достоинства.

Выдающаяся роль в освободительной борьбе Некрасов отдал передовой интеллигенции. Разоблачая либеральных болтунов, «богатых словом бедных», клеветников, прайдных болтушек, поэт-революционер с восхищением отзывался о подлинных борцах за народное дело.

«На Руси жить хорошо», по мнению Некрасова, лишь революционером, как только их жизнь полна великого смысла, красоты и правды.

Поэт-революционер, Некрасов всю жизнь мечтал о народном восстании. Поэзия его всегда служила живым источником вдохновения и призывом к борьбе.

Истинный патриот и гражданин, по мнению Некрасова, не может думать быть революционером. Поэт с восхищением говорит о «достоинных гражданах» — революционерах:

...Хоть мало,
И среди нас судьба явила
Достоинных граждан... Знаешь ты
Их участь? Прельдины колени!

Беззаветная преданность революционной борьбе, нежелание сдаться, нежелание Некрасова на такие выдающиеся произведения, как «Поэт и гражданин», «Белинский», Стихи Некрасова —

Или в огонь за честь отчины,
За убежденье, за любовь,
Или и воню бунтарю,
Умерю не ларю... Дело прочно,
Когда под ним стучится кровь,
Стали знаменем революционной интеллигенции. С этим знаменем она без страха и сомнения вступила в неравную борьбу с царизмом.

Творческий путь Некрасова не был легким и гладким. Великие русские демократы Чернышевский и Добролюбов помогли ему преодолеть противоречия и колебания.

«Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами», — писал Ленин, — но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости не решался читать либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и публично каялся в них:

Не торговал я лирой, но билую,
Когда грозил немилосердный рок,
У лиры звук неверной исторгал
Моя лира.

Некрасов всю жизнь терзался из-за того что не мог стать революционером, подобно Чернышевскому, Михайлову и другим своим единомышленникам. Гениальный поэт, воспитанный своими стихами поколения революционных борцов, создатель легальной трибуны русской демократической мысли (журналы «Современник» и «Отечественные записки»), Некрасов, тем не менее, бичевал себя за то, что не ушел «в стан победителей», как к революционной цели шел, «не жертвуя собой». Отсюда — самоосуждения, покаяния Некрасова.

Народ! Народ! Мне не дано геройства
Славы, чести, признания,
Но я создан «вот так», безоглядно,
За железной твоей доске до седня!

Поэзия Некрасова отражала кровные, насущные нужды и интересы народа. Стихи Некрасова читались и расхватали. Они зажили сердца молодежи горящей любовью к народу и ненавистью к его поработителям.

Некрасов отстаивал общечеловеческое направление, единственное передовое направление в литературе того времени. В письме Тургеневу от 30 декабря 1856 года он писал: «Есть ли другое живое и честное направление, кроме обличения и протеста? Если да, то это Белинский, а среда, оттого оно и пережило Белинского, а совсем не потому, что «Современник» — в лице Чернышевского — будто бы подражает Белинскому».

Некрасов боролся против теории «искусства для искусства». В статье «Заметки за июнь месяц 1855 года» он писал:

«Нет науки для науки, нет искусства для искусства, — все оно существует для общества, для образования, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни».

Борьба Некрасова с теорией «искусства для искусства» имела отражение и в его стихах: «не по ленью, всего — в стихотворении «Поэт и гражданин». Гражданин упрекает поэта в бездельности:

А ты, поэт, избранные ста,
Гладишь себя в венчик,
Не вешь, что немощный хлеб,
Не стоишь вышних ступей твоих...
Вот трагичный случай искусства,
Для блага ближнего жить,
Своей гонимой любовью
Воспламенив любовь».

Некрасов создал поэму, вполне отвечающую задачам революционной демократии. Его музыка говорила о «трудовых и смирных» временах «буйным языком». Он чутким ухом поэта-демократа услышал «музыку злых» пренебреженных гневом народных масс.

В течение многих десятилетий эта поэтическая декларация Некрасова служила непрекращаемым зовом передовым силам русского общества в борьбе против бездельности, апатичности в искусстве.

с ДЫМОВ Некрасовский том

«Литературного наследства»

Институт литературы Академии наук СССР отмечает 125-летие со дня рождения Некрасова выпуском тома «Литературного наследства» (в двух томах). Объем издания — 90 печатных листов, по 45 листов в каждом полутоме. Публикуются более 400 документальных и художественных иллюстраций, среди них четыре на вкладных листах.

Некрасовский том выходит в издательстве Академии наук СССР. Он подготовлен к печати научными сотрудниками Института литературы Академии наук, кандидатами филологических наук И. Зильберштейном и С. Маханниным. Главный редактор — акад. П. Лебедев-Полянский. Первый полум том выходит в свет в ближайший дни.

Издание некрасовского тома редакция «Литературного наследства» продолжает систематическую работу по изучению творческого наследия классиков русской революционно-демократической литературы и критики. Некрасовский том примыкает к этому отношению к ранее вышедшим томам, посвященным Чернышевскому, Добролюбову, Шелерину и Герцену.

Обширное и многообразное содержание тома образуют, с одной стороны, исследования и статьи теоретического характера, разрабатывающие отдельные проблемы литературного наследия Некрасова, с другой стороны — публикации незнакомых архивных материалов, относящихся к творчеству и биографии поэта.

Первая книга открывается статьей А. Егорова «Идеалы Некрасова». В ней дается литературная и общественно-политическая оценка великого революционного поэта, определяется значение его творческого наследия в социалистической культуре нашей страны.

Поэзия Некрасова теснейшим образом связана с революционным движением его времени. Научной разработкой этой темы посвящена статья В. Козымина «Великий поэт революционер».

Изучению эстетических взглядов Некрасова посвящена статья А. Лавровского «Литературно-эстетические взгляды Некрасова». Различные проблемы изучения Некрасова разработаны в статьях проф. В. Гиппиуса «Некрасов в истории русской поэзии XIX века», В. Евгеньева-Максимова «Некрасовский журналист» и других.

Документальные публикации новых — найденных или забытых и не входивших в собрание сочинений — материалов самого Некрасова занимают большую часть первого полутом и весь второй полум том.

Первые публикуемые художественные и литературно-критические тексты Некрасова занимают в общей сложности более 10 печатных листов. Среди новых поэтических произведений особенно интересен отрывок «Если ты красоте поклоняешься», стихотворение «Карета», разоблачающее фальшь либерального фанатизма, и др. Драгоценными и новыми, впервые извлеченные из рукописей поэта строфы и варианты к ранее изданным стихам посвящены в частности к поэме «Мороз Красный нос», стихотворению «Размышления у парадного подъезда», новым отрывкам из поэмы «Белинский», публикуемые Корнеем Чуковским. Характерную идейную силу, революционную страсть произведений Белинского, Некрасов писал в одном из первоначальных набросков, впервые публикуемых в некрасовском томе:

...мечтал я новой,
Стремлением в истину суровой
Дылал горячий труд его,
Он полнотой в него вливал душу,
Он говорил: «Я все разрушу,
И не оставлю ничего».

Та строфа, которая ныне завершается строкой «Он шел один неколеблем», первоначально имела такую концовку:

В несчастье он мучался душой,
В борьбе он сдул искру свою,
Он полнотой в него вливал душу,
Он говорил: «Я все разрушу,
И не оставлю ничего».

Та строфа, которая ныне завершается строкой «Он шел один неколеблем», первоначально имела такую концовку:

В несчастье он мучался душой,
В борьбе он сдул искру свою,
Он полнотой в него вливал душу,
Он говорил: «Я все разрушу,
И не оставлю ничего».

Обращение к вновь найденным рукописям и другим архивным документам позволило в ряде случаев заново осмыслить и давно известные некрасовские произведения. В собрании сочинений Некрасова печатаются, например, стихотворения, начинающиеся словами: «Не горюю: забыл он осторожность», рисующее образ человека революционного подвига, говорящего «невозможность служить добру, не жертвуя собой». Написав стихотворение, Некрасов, как показывают рукописи, обозначил его сначала как перевод «Из Байрона», а затем из испанского сатирика Ларри. При печатании стихотворения в 1877 г. он назвал его «Пророк» с добавлением «Из Байрона». Все эти указания были фиктивными и предназначались для обхода цензурной цензуры. На самом деле поэт рисует образ великого революционера Чернышевского, о страдальческой участи которого Некрасов не мог забыть. Об этом свидетельствует публикуемая в сборнике страница из экземпляра «По следних песен», подаренного Некрасовым незадолго до смерти художнику Крамскому. Некрасов зачеркнул на этой странице название «Пророк. Из Байрона» и собственно

ручико написал новое название: «В воспоминание о Чернышевском».

Не менее значительно другое «открытие». Специальное исследование ряда материалов позволило установить, что стихотворение «Смоклик честные, доблестно пашение», принадлежавшее к лучшим и широко известным образцам поэтической лирики Некрасова, является прямым откликом на события Парижской Коммуны. Крупнейший революционный поэт России Некрасов гневно и злодейски в этом произведении, столь неверно до сих пор понимавшемся, версальскими палачами Парижской Коммуны и ярко и мужественно выразил свое сочувствие делу революции. Вдохновенные и скорбные строфы «Смоклик честные...» являются замечательным, впервые ныне открытым памятником, возмужавшим певцом русской революции в честь павших коммунаров и бескомпромиссного, по словам Ленина, дела Коммуны».

Среди публикуемых прозаических текстов Некрасова наибольшее значение имеет заметка «О роли и значении мысли в поэзии» и семь литературно-критических статей из «Современника» (1856—56 гг.), где он печатался анонимно. Статьи эти, заключающие отзывы о таких писателях, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Писемский, Лев Толстой, высказывания о задачах литературы, о борьбе с бездельностью в искусстве, будут являться отныне, без сомнения, основным материалом для изучения литературных взглядов Некрасова. В разделе прозаических текстов публикуется также вновь разоблаченные рецензии, фельетоны и сатирические произведения Некрасова.

Наиболее ценным приобретением в обширной группе новых биографических материалов является публикация (проф. В. Евгеньева-Максимова и С. Рейсера) автобиографических заметок и предсмертных дневников Некрасова. Дневники эти с интересом прочитают не только исследователи, но и широкие круги читателей. Заметки писались, точнее диктовались, Некрасовым, когда он умирал и знал, что умирает. Предсмертные, глубоко искренние и правдивые высказывания поэта о своей жизни дадут возможность глубже взглянуть на нее и отчетливее представить духовный облик Некрасова.

Независимые архивные материалы тома разнообразно освещают не только личную, но и общественно-политическую биографию великого поэта.

Обращение к этим материалам позволило осветить ряд важных эпизодов жизни Некрасова (работа С. Рейсера, документальная работа по первоисточникам истории полководца Некрасова поступил в Петербургский университет), иначе представить фигуры современников, чья жизнь и деятельность так или иначе соприкасались с биографией Некрасова. Знакомая нам с этим в сущности никому до сих пор неизвестным кратким изложением спутником на журнальном пути Некрасова и др.

Существенный интерес представляет, в частности, документы о Некрасове, извлеченные из архивов политехно-охранительных учреждений царизма. Царские жандармы отчетливо сознавали, какой активной революционером являлся Некрасов. Об этом выразительно говорят строки из «Замиски» директора департамента полиции Плеве, поданной в 1883 г. царю. «Замиски» публикуется в числе многих других документов в исследовании В. Папковского и С. Маханнина «Некрасов и литературная политика самодержавия».

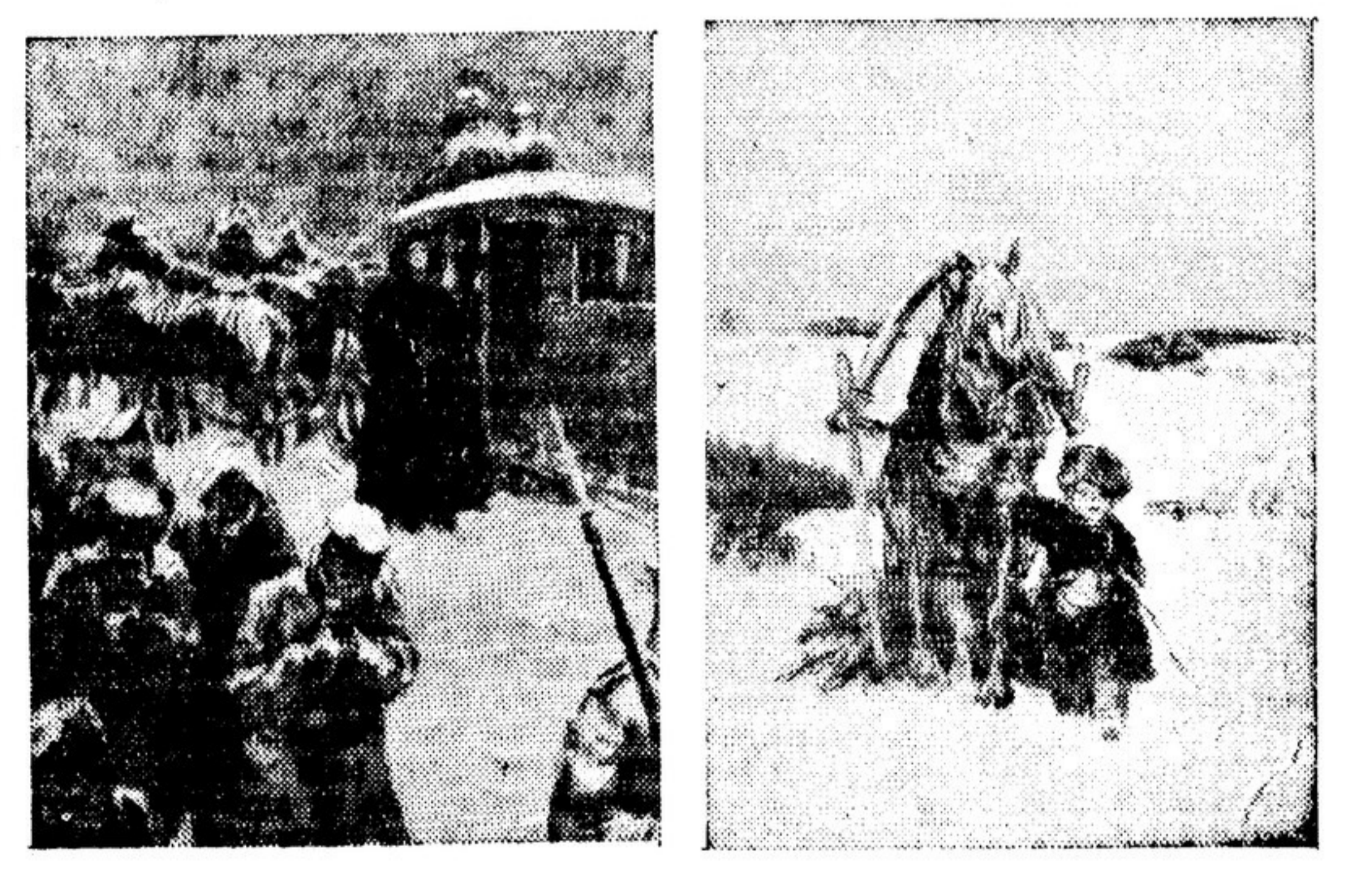
В обширном эпистолярном разделе некрасовского тома публикуется более 150 ранее неизвестных писем самого Некрасова, и свыше 300 не бывших в печати писем к Некрасову. Среди 100 с лишним корреспондентов этой переписки: Писемский, Григорович, Добролюбов, Тургенев, Л. Толстой, Га. Успенский и многие другие.

В межтомном разделе печатаются забытая глава из известных воспоминаний Авдотьи Пановой, воспоминания писательницы А. Степановны-Бородина, рассказывающие о восторженном преклонении перед Некрасовым революционером настроенной молодежи 70-х годов. Приводится запись двух бесед с Н. Чернышевским о Некрасове и др.

В кратком обзоре не представляется возможным даже назвать все остальные публикации и сообщения, печатающиеся в томе. Все они построены на неизвестном ранее документальном материале и все признано новое, порой весьма сенсационное, данное в различных областях знания Некрасова.

В издании включены ред фундаментальные работы справочно-библиографического характера (описание личной библиотеки поэта, библиография литературы по Некрасову за последние тридцать лет, т. е. за весь советский период, и т. п.).

Такое основное содержание выходящего в свет некрасовского тома «Литературного наследства» — коллективного труда советских литературоведов в изучении одного из великих и наиболее близких нам писателей прошлого.

Иллюстрации Д. Шарникова к книге избранных сочинений Н. А. Некрасова, выходящей в Детгизе.

В. ЕРМИЛОВ Советская литература — самая демократическая литература мира

Русская классическая литература была наиболее прогрессивной, наиболее идейной и демократической литературой мира. Ее сила определялась связью с жизнью народа, с его поисками правды, с его борьбой. Рассматривая историю нашей литературы XIX—XX столетий в свете ленинского учения о трех этапах революционно-освободительного движения в нашей стране, мы видим, как тесно связано все развитие русской литературы с ростом передовых освободительных идей. Основоложником классической русской литературы Пушкин, автор бесмертной национальной комедии Грибоедов, премия Пушкина и предшественник Некрасова — Лермонтов, предвосхитивший многие некрасовские мотивы мечты, гнева, печали, ярости и грядущей буре, — каждый из этих великих русских людей был так или иначе связан с революционным движением и идеями дворянских революционеров, героев декабрьского восстания. Идея крестьянской революции, общественный протест 60-х годов, связанный с усилением роли демократической разночинной интеллигенции, нашли таких могучих защитников, как Чернышевский, полководец дела первого гениального русского демократа-разночинеца Белинского, Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин. И, наконец, пролетарский период революционного движения в нашей стране порождает Горького, чье значение для мировой литературы может быть сопоставлено со значением таких титанов, как Данте, Шекспир, с особенной глубиной и остротой отличающих в своем творчестве перелом, переход человечества от одной исторической эры к другой. Выступая патрием большевиков, которые помогли великому писателю преодолеть все и всяческие влияния старого мира, идейные ошибки и отклонения, — Горький явился основоположником литературы новой, социалистической эры, — литературы, вдохновенной самыми высокими

идеями, когда-либо выдвигавшимися человечеством, — идеями коммунизма, победоносным учением Ленина — Сталина. Передовые русские писатели прошлого, прорывавшие в своих мемуарах, гениальных гадках к свету будущего родины, рисовали это Будущее, как торжество подлинной, всенародной, а не формальной, не купной демократии. Отлично сознавая прогрессивность буржуазной демократии в сравнении с реакционной царской монархией, наши революционно-демократические писатели вместе с тем глубоко раскрывали в своих произведениях противоречия и фальшь демократии для немногих — той «демократии», которая провозглашает, но не обеспечивает на деле права народных масс.

Достаточно вспомнить Герцена, который называл «ложной ярмонией» формальное равенство, когда «лишний пользуется теми же гражданскими правами, как Ротшильд». Эта цивилизация, — писал Герцен, — есть цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих, «Республика», — по мнению Герцена, — не есть действительность, пока она ограничивается представительством народного самодержавия. Она может при хороших условиях быть свободное конституционной монархией, но она не может быть совершенно свободна до тех пор, пока она принимает неизменными основы существующего исторического, общественного устройства». Такая республика «всегда может сделаться монархией, или, еще хуже, попасть под деспотическую власть плуга или солдата, под самодержавие прелатского, но не самодержавием гражданского», — писал Герцен, — есть цивилизация, — писал Герцен, — есть цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих, «Республика», — по мнению Герцена, — не есть действительность, пока она ограничивается представительством народного самодержавия. Она может при хороших условиях быть свободное конституционной монархией, но она не может быть совершенно свободна до тех пор, пока она принимает неизменными основы существующего исторического, общественного устройства». Такая республика «всегда может сделаться монархией, или, еще хуже, попасть под деспотическую власть плуга или солдата, под самодержавием гражданского, но не самодержавием гражданского», — писал Герцен, — есть цивилизация, — писал Герцен, — есть цивилизация меньшинства, она только возможна при большинстве чернорабочих, «Республика», — по мнению Герцена, — не есть действительность, пока она ограничивается представительством народного самодержавия. Она может при хороших условиях быть свободное конституционной монархией, но она не может быть совершенно свободна до тех пор, пока она принимает неизменными основы существующего исторического, общественного устройства».

Русские революционно-демократические писатели мечтали об иной республике, — Герцен называл ее «социальной», — когда государство не будет стоять над народом, а сольется с ним в одно целое, когда интересы каждой отдельной личности неразрывно свяжутся с интересами государства.

Горьковской литературе сказывается в ее стремлении к тому

Открытое письмо
Н. С. Тихонову

Дорогой наш Николай Семенович!
В день Вашего пятидесятилетия Союз советских писателей горячо поздравляет Вас и шлет Вам сердечные пожелания творческого успеха, энергии и здоровья.

Вы пришли в советскую культуру из армии, с фронта первой мировой войны, из недолгой солдатской службы. Первые Ваши произведения, первые книги стихов — «Орда» и «Брага» — остались неизгладимым следом в нашей поэзии. «Праздничная, веселая, бесноватая, с маринанской жаждою творить» — таким полюбили Вас и запомнили сотни тысяч молодых читателей. Ваши первые баллады навсегда вошли в золотой фонд нашей поэзии, являясь ее украшением и гордостью.

С тех пор прошло много лет, и в тени всей этой четверти века Вы, не покладая рук, работали, как поэт и прозаик, как общественный деятель.

Заслуги Ваши перед нашим народом и его языком поистине огромны. Один из первых Вы приняли деятельное, вдохновенное участие в осуществлении братства между советскими народами. Ваши книги о путешествиях по Средней Азии, Ваши переводы казахских, в частности, грузинских поэтов, также прочно вошли в золотой фонд нашей культуры.

Недаром Вы являетесь представителем нашей литературы на Международном антивоенном конгрессе писателей в защиту культуры в 1935 г. в Париже. Плодом Вашего пребывания на Западе была книга стихов «Тень друга», политический смысл которой полностью раскрыт только в дни Великой Отечественной войны.

И когда она разразилась, ничего не было естественней, как увидеть Вас, Николая Семеновича, в рядах защитников Родины, в форме офицера Красной Армии. Сделавшие Вами за годы войны — огромно: поэзия и проза, вдохновенная поэма «Киров с нами» и короткие рассказы о героических людях Ленинграда, военные очерки в «Красной звезде», статьи, написанные очерки для заграничных, — все это свидетельствует о Вашей энергии, о Вашей творческой молодости.

Таким молодым и полным сил писателем знает Вас советский читатель, таким Вы пришли ко дню своего пятидесятилетия. Человек отечественного сердца, страстного пропагандист советской культуры, ее патриот и поэт — мы гордимся Вами, как одним из лучших наших современников.

Еще раз поздравляем и крепко обнимаем Вас.

А. ФАДЕЕВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, А. КАРАВАЕВА, Л. КОЖЕВНИКОВ, К. СИМОНОВ, Л. СУБОЦКИН, М. ИСАКОВСКИЙ, Л. СОБОЛЕВ.

Образ положительного героя в драматургии

С 2 по 4 декабря во Всероссийском театральном обществе состоялась научно-творческая сессия, посвященная образу положительного героя в советской драматургии. Сессия была организована Кабинетом театра Горького и советской драматургии ВТО, совместно с секцией драматургов Союза советских писателей.

Памяти погибших писателей

Военная комиссия Союза советских писателей СССР собирает материалы для сборника о советских писателях, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Первый сборник (20 печатных листов) будет посвящен памяти писателей-москвитин и ленинградцев — Е. Петрова, А. Ариногенова, Б. Ланина, З. Хашрешина, В. Ставского, М. Чумандрина, Б. Левина, С. Диковского, Д. Алтауэра, А. Гайдара, Е. Зозулы, Б. Ивантера, Ю. Крымова, И. Меньшикова, А. Роскина, М. Серебрянского, О. Цехозинца и др. В сборник войдут портреты писателей, статьи об их творчестве, выдержки из писем с фронта, библиографические данные.

Ваша страна отменила десятилетие Сталинской Конституции, которая законодательно закрепила и зафиксировала успехи советского общества, социалистической демократии. Под знаменем Сталинской Конституции развивается, борется за новые успехи, за повышение своего идейно-художественного уровня наша советская литература — самая демократическая литература мира. Высоко ее положение в стране всенародной демократии. И с благодарностью и беспредельной любовью думают советские литераторы о том, что ведет нашу родину к новому могучему пою, — о вожде народа, гениальном творце нашей Конституции — о родном, великом Сталине!

Наша страна отменила десятилетие Сталинской Конституции, которая законодательно закрепила и зафиксировала успехи советского общества, социалистической демократии. Под знаменем Сталинской Конституции развивается, борется за новые успехи, за повышение своего идейно-художественного уровня наша советская литература — самая демократическая литература мира. Высоко ее положение в стране всенародной демократии. И с благодарностью и беспредельной любовью думают советские литераторы о том, что ведет нашу родину к новому могучему пою, — о вожде народа, гениальном творце нашей Конституции — о родном, великом Сталине!

Литературная газета
№ 49 3

Уход от действительности

Поэмы Леонида Мартынова, изданные в 1940 г. «Советским писателем», — «Тобольский летописец», «Правдивая история об Увельках», «Искатель рая» и другие — привлекали к себе внимание читателей. В поэмах шла речь о событиях различной давности. Но прошлое не было там еще тем бегством от настоящего, в которое обрывается впоследствии Мартынов. Опыты его героя, так называемого «искателя рая», Мартынов Лоплинц, были на протяжении их «рая» предположением жизни безличных торжеств, неправедных судей, прозаических правителей, без всех тех, кто отравлял существование Лоплинца.

Это была не очень социально четко очерченная, но все же мечта о человеческом счастье, общем для всех, добывать которое приходилось тяжким трудом.

Тяжко приходится Мартыну Лоплинцу. Мы оставляем его измученного, обрванного, в мрачном котловане, где он «с теми и до тем» месит глину для будущих кирпичей. Обжитая земля вечно находится тут же. На «каско» ее пламя не пугает ни самого героя поэмы, ни нас, ее читателей. Лоплинц спелен в жизнеупорной глине. Недаром же в одной из глав он говорит лжефранцузам:

...приди издалека, Ты хочешь познать нас чудесами: И ты же будешь — финик из пупка?

И дальше: О чудесах я не таких мечтаю. Рая я и не! Рад бы жить людям.

Можно было надеяться, что, углубляя эту мысль, Мартынов в дальнейшем придет к более точному определению человеческого счастья и пойдет по пути к его достижению.

Но этого не произошло. Наоборот, Мартынов все разительнее отклоняется от этого единственно правильного пути.

Перед нами сборник поэмы «Эрнричский лес», изданный в текущем году в Омске. Сборнику предпосланы строки некоего Николая Спфарийа, старинного летописца, судя по стилю, «Лес тот, — пишет Спфарий, — идет по Оби реке и по всему Сибирскому государству до самого до Окнянского моря».

Древнее «Сибирское государство» представлено в сборнике большой поэмой «Дук Иван многогрешный и непотребный». Это многоголосная стилизация под старину с ее сложнейшим историзмом уводит нас к началу XVII века.

Но и современная Сибирь выглядит у Мартынова не иначе, как страна далекая и незнакомая. Это все та же «страна неподходящая», где мечется женщина под крышей банной. Где «сгражданши Домопитицы» живет по Домострою за крепкими засовами. Где в глухой и мутной выгоде еле различимы «заводы и домы огромны весьма». Ветер, который носился по тундре «бездушной, бездомной», должен теперь раздуть огни ку домен, у домен, у домен.

Неудобительно и буфарионы выглядят у Мартынова весь этот «принудительный ассортимент» современности. И уж никак не верится, что serene, сработанный на таких заводах, мог вернуться в огонь «сражи крепости» гитлеровской Германии. В стихотворении «Народ-победитель», единственно ярким откликом на войну, солдаты-победители

...прошли по Москве, точно оны, — Были жарки они и мятельны; В аэропарке трубили слоны.

Все это действительно напоминает дурной сон. Почти бред. И здесь мы вплотную подходим к тому искривлению творческого пути Мартынова, о котором было упомянуто раньше.

В сборнике «Эрнричский лес» поэт снова увлекает нас... но куда? В «страну топографических столбов», с которой, вопреки ее названию, нет никакой связи. В «мир сорняков», где ржавеет мертвый металл. Куда угодно, только бы дальше, как можно дальше от современной действительности.

В частности, «смертный металл» — это образ поэта, существа «высшего», неопознанного, неопознанного, обремененного на одиночество и забвение.

В стихотворении «Сон подослушка» согревший подослушка чувствует, что ему «открутит голову», что его пошарят и «сгрызнут». Он хочет оторваться от земли, расправить «листья-крылья», но земля упирается:

Л. Мартынов. Эрнричский лес. Омск. 1946 г.

Обложки новых книг, выпускаемых издательством «Советский писатель». На снимке (слева направо): Симон Чиковани «Песнь о Давиде Гурамишвили» (худ. Г. Симеялова), Андрей Малышко «Лирика» (худ. М. Компанец), Тимуркул Уметалиев «Сердце киргиза» (худ. С. Нодельман).

истине народная поэма Александра Твардовского «Василий Теркин», повесть Бориса Горбатова «Непокоренные», роман «Дни и ночи» Константина Симонова, рассказы Леонида Соболева, Владимира Коженикова, повести Михаила Шолохова «Они сражались за Родину», стихи и поэма А. Суховая, М. Исаковского, К. Симонова, М. Ангер, П. Антокольского, Н. Тихонова, Максима Рыльского, Леонида Первомайского, Павла Тычины, Якуба Коласа, Аркадия Кулешова и других.

В романе Александра Фадеева «Молодая гвардия» с непревзойденной еще в нашей литературе глубиной раскрывается высокий идейный и моральный облик советских людей, советской молодежи, и руководящая роль партии в идейном воспитании народа. Прекрасно рассказав Фадеев о том, что главным законом всей деятельности партии является закон — «любовь к Родине», бесстрашная любовь к советскому человеку-труженику. Вспомним главу, в которой рассказано, как два добровольца, один — рабочий районского комитета, другой — хозяйственник, директор шесты, участники подпольной борьбы против фашистских оккупантов в Донбассе, — в немецкой тюрьме, после чудовищных пыток, последние часы своей жизни. Их ждет страшная казнь. И вот перед их глазами в последний момент проходит вся прожитая ими жизнь. О чем же думают и говорят два добровольца в последние часы? — «Говорит один из них своему товарищу: — ради чего стоит жить, трудиться, умирать? — так наши люди! Человек! Да есть ли на свете кто-нибудь краше нашего человека? Сколько труда, невзгод и припад на свои плечи за наше государство, за народное дело. В гражданскую войну осмужку хлеба ел, не роптал, в реконструкцию стоял в очереди, любую одежду носил, а не променял своего советского перфоратора на галантерею. А в эту отечественную войну — счастием и гордостью в сердце носил свою голову на смерть, принял любую невзгодную труд, — даже ребеком принял это на себя, не говоря уже о женщине, — а что же все это, так же, как и мы с тобой. Мы нашли в них, все лучшие, самые умные, талантливые, знатные наши люди — все вы-

шли из них, из простых людей!». Да разве любой советский человек, самый простой и немудреный, не имеет права на то, чтобы ответственный иловой работой государству? Он имеет на то право, он того заслуживает трудами и жертвами своими! Мы, работники народа, должны в каждом человеке видеть веру в себя, чувство гордости за себя, поднять в глазах всего света величие и достоинство нашего человека... а в волнении — гоарий Шулъя.

А Валюко только сказал: — То все правда, Матвий, святая правда...

Таковы государственные деятели ленинского-сталинского типа. Стужи, работники, руководители народа, — нет для них высшего счастья, чем счастье беззастенчивого служения народу! И если для партии большевиков высшим законом является святое служение народу, — то так же закон и для советской литературы, воспитанной партией.

Недавние исторические указания партии о задачах искусства направлены на дальнейшее расширение и углубление демократичности нашей литературы.

Постановления ЦК ВКП(б) разоблачают и бичуют антидемократические тенденции и влияния в области искусства. Глубоко враждебны советской демократии мешающее презрение к человеку из народа в рассказах Зенченко, салонно-аристократический индигуализм поэзии Ахматовой. В этих странах произведений антидемократических писателей, мизантропов, циников, бесчестивых чуждого народу, понимаются на цент демократической прессой. В стране советской демократии писатели этого типа не могут рассчитывать на успех. Широкое обсуждение указаний партии деятелями искусства и всей страной уже дало огромные положительные результаты. Работники советского искусства глубоко осознали идейный и художественный ущербность всех тех влияний и устремлений, которые уводят художника от жизни и борьбы народа. Никогда еще с такой неутомимой ясностью, резко, не представляло полное банкротство всего того, что связано с идеями, формализма, эстетизма, бездельности, апатизма. Никогда еще с такой остротой не обнаруживалось, что одним из важнейших эстетических критериев является массовость художественного произведения, его связь с коренными вопросами жизни милли-

Иллюстрации Ф. Константинова к книге рассказов В. Степанька, выпускаемой издательством «Советский писатель».

Люди труда и подвига

Эту книгу домыслишь до конца и задерживаясь в глубинах волнения. Словно короткий рассказ, а не то, что у нас часто выдают за рассказ (отрывок неудавшейся повести или осколок главы романа), обладает замечательным свойством богатеть от соседства другого, третьего, четвертого рассказа, написанного тем же автором. Больше того, именно в совокупности отдельных рассказов и раскрывается главная тема писателя.

Владим Кожеников — несомненный мастер короткого рассказа. Он в совершенстве владеет этим трудным и редким жанром. И книга его отличается постому чуждостью и оригинальностью, не меньшей, чем в романе или повести, хотя она складывалась на протяжении двенадцати лет, состоит из 88 отдельных рассказов, географический ее охват — от Амурского края до Сибири до Севастополя, а содержание, кроме фронтового последнего, захватывает эпизоды гражданской войны, заводского и колхозного строительства. И люди рассказов, кроме русских, самые разные — нагайцы, грузины, украинцы, хорваты, болгары, армяне, казахи... Что же держит и связывает органически эту пестроту и разнообразие? Где то единство во множественности, о котором я упомянула выше?

Не так давно в постановлении ЦК ВКП(б) говорилось о недостаточном отражении в нашей литературе положительных черт советского человека, то есть той самой решающей силы, которой мы обязаны нашим существованием и мощью нашей страны.

Владим Кожеников в своих рассказах как бы отвечает на этот упрек. Видение человека — простого, хорошего советского человека — проходит в них под разными именами и в разных положениях. Каждый рассказ — нельзя быть лучше, чем этот человек, нельзя проявить больше мужества и нравственной силы, и вот — опять новый эпизод, где характер человека еще ярче и прекраснее и еще невероятной мужественности его подлин. Но слово «свежести», пожалуй, и не идет сюда. Кожеников берет самых простых людей. И так просто, так скупо и так резко рассказывает о них, что вы не можете не верить в бытие этих людей, вы понимаете, что именно бытие этих людей, таких, как они описаны, и есть величайшая реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве. Но в наши дни, когда мы уже не можем себе представить мир, в котором бы не было ни одного человека, который бы не был связан с нами, как ни один из нас, — это уже не та реальность, которая окружает вас. Таково первое впечатление от темы В. Коженикова. Но тут не вся его тема.

Мы, старые писатели, дети двух эпох, мы присутствовали при кризисе старой литературы и зарождении советской. Для нас слово «новый человек» звучит еще, как провозглашение. Оно возмущало, оно приводило к опасениям нового человека, непременно отдалившись от старого, поэтому так много писалось в наших книгах о становлении новой психики, о борьбе с «ветхим человеком» внутри себя, о внутренних противоречиях. Вне этой диалектики нам трудно было объяснить и описать характер, схватить отличительные признаки нового. Но в книге Коженикова уже нет этого контраста. Есть единый и единственный мир — наш мир. Он уже создан, он уже получил давность, поколения людей выросли в нем. И люди этих поколений друг для друга перестали быть «чужими». Они восприняли свой нравственный мир, как если бы он был вечно и не мог не быть, как не может и перестать быть. Это — реальность сущего. И не те коллизии, все те противоречия, внутренняя борьба, которые они переживают и переживают, относятся к внутренним скобкам этого единственного мира, и нет для автора необходимости искать на своей палитре контрастирующих красок, то есть противопоставлять новое старому. Больше того: как раз там, где Коженикову приходится вольно-невольно выйти за пределы нашего мира в чужой, то-есть, когда он описывает военные эпизоды, происходящие за рубежом, в Болгарии, в Югославии (рассказы «Мраза», «Это сильное место»), там Кожеников как раз и слабее, он чувствует себя менее уверенно, изменяет реалистической манере, высокому лаконизму письма и прибегает к условности, к риторике, к приподнятости тона. Видно, что старый мир он знает плохо, чувствует себя в нем, как на незнакомой

почве.

Книга В. Юрежанского «Покорение реки», посвященная строительству Днепродзержинска, названа романом, но на самом деле представляет собой скорее эскизы романа, сведенные воедино.

«Покорение реки» — произведение, еще слабо очерченное герцез, это правда, но права и то, что в книге этой люди строят жизнь не на эгоистических началах, а на пользу долгим поколениям.

Много интересных эпизодов в книге. В Конференции ВСНХ Куйбышев совещается с советскими инженерами и с главой американской консулляции — Курьером.

Днепростроители встречаются со Сталиным. С ними говорит Молотов. Плотовщики по Днепру сплавляют бревна для строительства рязей и еда не погибает на Днепростроительских порогах.

Ученые изучают способы смирения порогов. Днепротроению сочувствуют великие мысли, а мешанин из города Запорожья убеждены: «Днепр вас усилит похером». «Вот хрест святой — ни одного казана не помилует Днепр».

Надо было победить не только Днепрские пороги, но и вражескую недоброжелательность, темные замыслы злодеев. Мы знакомимся с людьми, в начале романа занятыми грубым физическим трудом, затем они приобретают высшую рабочую квалификацию, начинают понимать схему великой стройки.

Для нужд Днепростроя была расширена советская индустрия. Орджоникидзе решил, что не следует давать деньги на закупку иностранных думпфоров, надо для Днепростроя заказывать их на Советском заводе.

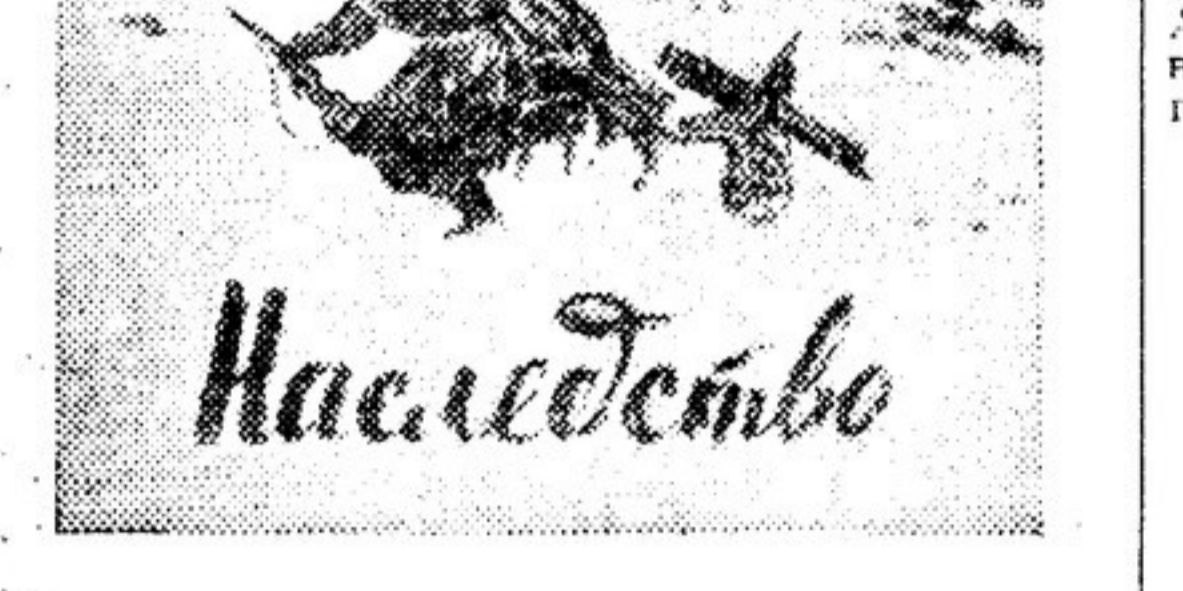
«Покорение реки» хорошо передает рост людей и перемену времен. День пуска электростанции. На трибуну поднимается восторженный Ари Барбюс. Здесь же и английские, шведские, французские, американские, японские, германские корреспонденты, которым срочия были заскорузлые мысли мешанин города Запорожья, которые верили, что «Днепр похерит», а сейчас приехали на мировую новостройку, на покоренную реку.

Вд. Юрежанский не создает выуклых портретов, не дарит своеобразия героям, но он понимает, чувствует, видит и ощущает рост людей. Роман широк, многоликий, он сводит в сюжет — не очень крепкий — многие интересные и важные факты, открывая их, но не облекая их увлекательностью.

Строители Днепротроя не сразу поняли свое дело, свое место на земле, самих себя. Так было, когда володла Воронкова спешили поднимать из стальной воды, подвели к телефону в партийный кабинет и с ним заговорил товарищ Сталин, обозначивший не только дела, но и здоровый володла. Сталин и володла говорят о том, что пришло время повернуть Днепр в левый проток, и мы ощущаем, как Сталин повернул душу Воронкова.

Старый геолог, профессор Свечин болен воспалением легких. Умирая, он вспоминает свою жизнь. Свечин ощущает себя частью днепровской истории. Его хоронят на раскопках некрополя, кладут на слой белой глины, священной по верованиям древних; со Свечиним в соседстве бронзовые наконечники скифских копий.

От скифских копий — до профессора-днепротроевца, от володла — до ЦК партии В. Юрежанский «Покорение реки», «Советский писатель», 1948 г.

Обложка книги рассказов Е. Воробьева работы О. Верейского (Вонгиз).

— какой размах во временах, в обстоятельствах.

На правом берегу Днепра немецкие бурные станы фирмы «Вирта» свертывают гранит, на левом же рабуют делают американские станы фирмы «Сандерсона».

Самодовольные немцы Румель и Битнер говорят: «Лучше немецких станы ничего в мире нет». Немцев побивает Купер универсальностью американских станы. Но в конце концов на камне и на бетоне, на зимней температуре побеждают советский характер и советская техника, а зарубежные специалисты испытывают то, что испытывают их станы, которые деформируются и сплюсываются на бурении запорожского неподатливого камня.

Этот камень здесь называют «настоящим запорожским камнем», «золотом, а не камнем», или же «чуждым камнем», его «чести в некте ковалей».

И пусть эскизы роман, — сильна его атмосфера. Пусть нет выписанных портретов, но есть люди, которые изобличили бескрылый педантизм немецких техников. Днепростроители заставляли американских специалистов уважать себя. Эти люди гордились с Молотовым в Москве и на стройке плотин. Сталин руководил их деятельностью. Мы присутствовали при их разговоре с Куйбышевым, Орджоникидзе, Калинин. За их жизнью мы почувствовали таврскую высокую волю партия. При этом некоторые портреты — пусть и скучно, но все же хорошо намечены: таков портрет глубокой, как поэзия, и веселой, как птица, Лукиной, которая сошла близкую границу «топтать бетон» с Лукиной горбил Сталин, она дважды встречалась с Молотовым; работает она весело, задрисго, Интересен образ Ивана Багача — он приплыл на бревнах с Десны плотником, стал строителем и затем — последним романа — вернул немецкие листовки, гласящие, что «Днепр — немецкая река». Багача переплавляет плот, но уж не такой, на котором приплыл с Десны, на котором варит крушеи с салом, а такой, который черт смерти плавает к победе над гитлеровцами.

Но таких портретов немного и, закончив чтение романа, мы ощущаем, что судьба героев мы восприняли больше через атмосферу книги, а не через развитие характеров.

Этот роман эскизный в отношении фигур, зато обильный в отношении жизни. «Покорение реки» мы читаем, как летопись трудов советского человека в первую пятилетку. Когда на Днепре зареались огни гидростанции и она дала промислленный ток цехам Запорожья, светом этим ярко осветились дела пятилетки. Огнями с Днепра рассеяны тьма полярным кругом, где вместо стен — моржовая шкура, а вместо окна — льдина. И на сопках Дальнего Востока, и в Западной Сибири, и в горах Кавказа, и в республиках Средней Азии, и у тихоокеанских морей — Аляска, Чукотка, Камчатка, — повсюду началась работа, звучащая в одном регистре с Днепротроем.

Мы переходим к последнему, написанному на непонятных шести страницах. И что же? Даже эти скудные шесть страниц создают сильное впечатление! Это впечатление укрепляется тем, что между концом романа и последствием была беспрерывная, тем, что наша гордость — прераец первой пятилетки — был разрушен, обращен в чернович, и мы его снова отстраиваем набепо.

Нас волнует сама жизнь. Автор в последствии уже не литературный посредник, он молча открывает двери в недавнее прошлое, достояние не для обрания и красками, не сюжетными частностями, он только информирует о том, что стало с героями. Инженера Терентьева расстрелял полковник Драйденфельд, бывший немецкий инженер Днепротроя, дрававший татар «свинным ухом». Некоторые герои романа погибли в бою и т. д.

Мы благодарны автору за его роман. Такие книги, связанные с жизнью нашей великой страны, нам насущно необходимы.

НА ПОСЛЕДНЯЯ ПОЧТЫ

Письмо читателю
В № 10 журнала «Нам» за 1948 год в статье П. Армизова «А. С. Новиков-Прибой в печати произведений А. П. Чехова, рекомендованных Новиковым-Прибоем для чтения наивысшей интеллигенции» в заключение говорится: «Однако такого высказывания в сочинениях Чехова нет, и в Чехова даже и грехови с таким именем в других рассказах. Правда, есть рассказ «Архангельск», но это далеко не одно и то же».

Следует посоветовать Ивану Армизову, а также редактору журнала «Нам» обратиться к биографии писателя А. С. Новикова-Прибои, так и к литературному наследству Антоны Павловича. Грамотность нужна всем, — в том числе и в области редакционной работы журнала «Нам». С. РЕНОВА.

ТЕЗЕЙ-РОГОЗЕЙ
В словесности русской плутая изрядно, Решил он, однако, по ней породить. И жаль, что Тезею само «Ариадна» Вручить не смогла путеводную нить!

Но есть для него извительный фактор: Коль нет Ариадны — имела редактор, А каждый редактор — прошу извинить! — Обязан иметь путеводную нить!

Я. САШИН.

АИБЕК
Новая работа (бронза) скульптора М. Шевчукова

Поэт-новатор
На торжественном вечере в клубе писателей

125-летие со дня рождения Н. А. Некрасова Союза советских писателей СССР и советского клуба писателей отметили большим вечером, состоявшимся 3 декабря.

«Со школьных лет», — сказал В. Лебедев-Кумач, открывая вечер, — помню мы стихи Некрасова. Дети и юноши моего поколения воспитались на его произведениях, проникнутых идеями человеческой любви и любви к родине. Некрасов много сделал для русского языка, он демократизировал поэтическую речь, сделал ее близкой и родной народу. Цельные строфы его произведений, названия его стихов вошли в русскую речь, как фольклор, как поговорки, как символы.

Важное место принадлежит Некрасову и в русском песенном творчестве, — говорит далее В. Лебедев-Кумач. — Лучшие композиции создавал музыку на его тексты. У Некрасова — поэта, драматурга, публициста, критика, редактора, издателя — многому могут научиться писатели всех жанров. Глубокая идейность, чуткость, зрелость и непримиримая принципиальность Некрасова, его горячий поэтический темперамент, идейная страстность и честность в отстаивании своих убеждений, взглядов и творческих позиций должны быть великим примером и образцом для советских писателей в их борьбе за построение коммунистического общества.

К. Чуковский свой интересный доклад о творчестве Некрасова начал с анализа стихотворения «Мысль», опубликованного в журнале Подорож «Син отчества», когда Некрасову было 16 лет.

— Какие только жанры ни перепробовал он в первые семь лет своей литературной деятельности, — говорит К. Чуковский. — Обширный многооточный роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», двенадцать повестей и рассказов, четырнадцать пьес для театра, две сказки, несметное множество стихов и статей. История мировой литературы не много знает таких неутомимых и плодотворных работников, как юный Некрасов в это первое свое писательское семилетие.

Началом подлинного поэтического пути Некрасова К. Чуковский считает февраль 1845 года — появление в «Отечественных записках» «Современной ода». С этим стихотворением в русскую литературу вошел новый, ни на кого не похожий человек, который предостоло предостоло своему новаторскому творчеством громадную силу литературной инерции. Отказавшись от исторической темы, заповишавшей в те времена страници периодической печати, он отвоевывал место для современности.

Некрасов не был бы великим русским поэтом, если бы в самые мрачные времена своей родины не видел ее светлого будущего. Родина, Русь, стала для Некрасова единственной темой творчества. Социальные идеи, питавшие творчество Некрасова, сформировались его поэзию, оказались в тысячу раз сильнее и жизннее, чем все творения так называемого «искусства для искусства». Им противопоставлял поэт-новатор своей собственной стиль, всю силу самобытную, демократическую, боевую эстетическую.

В 1947 г. будут изданы избранные произведения В. Бахметьева, В. Ивановна, А. Караваева, К. Паустовского, Н. Тихонова (проза), М. Пришвина, Л. Сейфуллиной, романа — Н. Вигина «Одиночество», В. Гроссмана «Степан Колчугин», В. Каверина «Два капитана», Ю. Крымова «Танкер «Дербент» и «Инженер», А. Малышкина «Люди из заколдустья», А. Первенцева «Коньей», К. Симонова «Дети и война», А. Толстого «К. С. Гудовиков», А. Митрий «Доктор», С. Бордина, избранные произведения В. Васильева, А. Гайдара, Б. Горбатова, В. Кавукова и сборники стихов М. Исаковского, А. Суркова и А. Твардовского. Из числа этих книг 12 уже отпечатаны.

В 1947 г. будут изданы избранные произведения В. Бахметьева, В. Ивановна, А. Караваева, К. Паустовского, Н. Тихонова (проза), М. Пришвина, Л. Сейфуллиной, романа — Н. Вигина «Одиночество», В. Гроссмана «Степан Колчугин», В. Каверина «Два капитана», Ю. Крымова «Танкер «Дербент» и «Инженер», А. Малышкина «Люди из заколдустья», А. Первенцева «Коньей», К. Симонова «Дети и война», А. Толстого «К. С. Гудовиков», А. Митрий «Доктор», С. Бордина, избранные произведения В. Васильева, А. Гайдара, Б. Горбатова, В. Кавукова и сборники стихов М. Исаковского, А. Суркова и А. Твардовского. Из числа этих книг 12 уже отпечатаны.

На вечернем заседании второго дня съезда заслушаны доклады московских критиков и писателей — И. Альтмана «Идеологические проблемы советской литературы», А. Тарасенкова «О современной советской прозе» и П. Антокольского «О многонациональности советской поэзии».

В прениях выступили писатели Э. Хйр, А. Якобсон, Л. Тоом, Р. Сирге, В. Азаро, А. Хит и секретарь ЦК КП(б) Эстонии тов. Э. Пяль.

В прениях ССП Эстонии единогласно избраны И. Семпер, А. Якобсон, Ф. Туглас, Н. Виддинг, О. Ургарт, А. Алле, М. Рауд, Э. Хйр, К. Таев. В состав редакционной комиссии вошли Пауль Кэрэдо, Минни Нурме, Ральф Парве.

Первый съезд эстонских писателей продолжал большую плодотворную работу. В докладах был дан критический анализ достижений и недостатков эстонской литературы. Стало особенно ясно, что большинство ошибок современной советской эстонской литературы связано с недавним буржуазным прошлым и для того, чтобы двинуться дальше вперед, нужно подвергнуть эти ошибки серьезной критике.

Съезд способствовал укрепленю дружбы эстонских писателей с писателями братских республик, обмен изданиями и переводами, переписки, поездки в братские республики, обмен делегациями. В далекой Тувинии об эстонских писателях поэт Капа Сейтнев, на Украине эстонских поэтов переводит Л. Первомайский и В. Сорова, в Латвии, Литве, Белоруссии не раз с теплым чувством вспоминают эстонских товарищей по перу.

Л. ТООМ.
ТАЛЛИН. (От наш. спец. корр.)

В союзе советских писателей СССР

..Комде и Модан»
30 ноября в бюро национальных комиссий ССП СССР состоялось чтение и обсуждение переведенной Л. Пеньковским поэмы ирано-таджикского классика Бедля «Комде и Модан» (XVII—XVIII вв.).

Краткое вступительное слово о творчестве Бедля произнес С. Улуг-Задэ. Литературные произведения Бедля представляют собой огромную книгу, включающую поэмы, газалы, философские трактаты и т. д. В поэме «Комде и Модан» — несколько тысяч строк. Текст ее насытен многими философскими отступлениями. Поэма переведена с большими сокращениями.

В обсуждении перевода поэмы приняли участие А. Адалис, В. Винников, К. Зелдинский, Г. Лахути, С. Линкин, П. Скокьер, М. Тарловский. Все выступившие дали высокую оценку переводу. Было выказано сомнение в правильности сокращения текста поэмы Бедля, которые были сделаны таджикскими редакторами при переводе ее на русский язык. Признаю необходимость дальнейшее ознакомление с текстами Бедля поэта очень интересного и мало изученного.

Литература народов СССР

На заседании секретариата ССП СССР 29 ноября были заслушаны сообщения С. Николаева, Айбека, К. Краулинна, И. Семпера и А. Ериева об организационной работе союзных писателей братских республик.

Секретариат рассмотрел и утвердил предложенный директором издательства «Советский писатель» Г. Яковлев план издания литературы народов СССР на 1947 год. В плане 60 названий; в их числе — 38 произведений прозаиков и 28 отдельных книг и сборников поэтов. Издательство выпустит сборники новелл украинских, белорусских, грузинских, армянских, латышских, литовских, эстонских, узбекских, абхазских и еврейских писателей, сборники стихов поэтов Эстонии, Узбекистана, Якутии, Бурят-Монголии и Мордовии и отдельные книги И. Некоса (Украина), А. Кушелева (БССР), Д. Халдарова (Грузия), Г. Гуляма (Узбекистан), Д. Бокобаева (Киргизия), Т. Жарокова (Казахстан), Ф. Карима (Татария), С. Кудаша (Баш. ССР), Г. Цадаеса (перевод с аварского), Г. Пуг (перевод с адыгейского) и др. Проза представлена в плане переводимыми известными романами («Соловей» Зм. Бядули, «Зеленая земля» А. Упписа и др.), новыми романами, повестями и книгами избранных произведений писателей братских республик.

Секретариат утвердил редколлегию альманаха «Дружба народов» в составе П. Скокьеры (главный редактор), В. Гольцева, К. Зелдинского, Ю. Либенского, С. Линкина, Г. Тарловского, А. Н. Тихонова, С. Кирьянова. Альманах будет выходить не менее четырех раз в год, объемом в 25 печатных листов каждая книга.

На этом же заседании секретариата был вручен членский билет ССП СССР писателю, Герою Советского Союза П. Вершигора.

Избранные произведения советских писателей

На заседании секретариата 2 декабря продолжалось обсуждение плана издательства «Советский писатель». Г. Яковлев сделал сообщение о состоянии полиграфической базы и предложил на утверждение план издания «Библиотека избранных произведений советской литературы» (1917—1917 гг.). Это — юбилейная серия, выпускаемая к тридцатилетнему Октябрьской революции. Она содержит 100 названий книг, единичного формата, выпускаемых стотысячным тиражом, с портретом и краткой биографией писателя.

Одна из книг этой серии — избранные произведения В. Шшикова — уже вышла из печати. Находятся в производстве и выйдут до конца текущего года 25 книг, в том числе «Жизнь Клим Самгина» А. М. Горького (в четырех томах), «Железный поток» А. Серрафиновича, «Чапаяв» Д. Фурманова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Тихий Дон» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Менчент» Г. Гладова, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Малаягоша шакагуля» П. Баркова, «Варяги» С. Гудовиков, А. Митрий «Доктор» С. Бордина, избранные произведения В. Васильева, А. Гайдара, Б. Горбатова, В. Кавукова и сборники стихов М. Исаковского, А. Суркова и А. Твардовского. Из числа этих книг 12 уже отпечатаны.

В 1947 г. будут изданы избранные произведения В. Бахметьева, В. Ивановна, А. Караваева, К. Паустовского, Н. Тихонова (проза), М. Пришвина, Л. Сейфуллиной, романа — Н. Вигина «Одиночество», В. Гроссмана «Степан Колчугин», В. Каверина «Два капитана», Ю. Крымова «Танкер «Дербент» и «Инженер», А. Малышкина «Люди из заколдустья», А. Первенцева «Коньей», К. Симонова «Дети и война», А. Толстого «К. С. Гудовиков», А. Митрий «Доктор», С. Бордина, избранные произведения В. Васильева, А. Гайдара, Б. Горбатова, В. Кавукова и сборники стихов М. Исаковского, А. Суркова и А. Твардовского. Из числа этих книг 12 уже отпечатаны.

О том, что советская тематика почти совсем не отражена в детской литературе, в своем докладе говорит П. Виддинг. Нет книг о советской школе, о героях труда и войны, о революционерах.

На вечернем заседании второго дня съезда заслушаны доклады московских критиков и писателей — И. Альтмана «Идеологические проблемы советской литературы», А. Тарасенкова «О современной советской прозе» и П. Антокольского «О многонациональности советской поэзии».

В прениях выступили писатели Э. Хйр, А. Якобсон, Л. Тоом, Р. Сирге, В. Азаро, А. Хит и секретарь ЦК КП(б) Эстонии тов. Э. Пяль.

Первый съезд эстонских писателей продолжал большую плодотворную работу. В докладах был дан критический анализ достижений и недостатков эстонской литературы. Стало особенно ясно, что большинство ошибок современной советской эстонской литературы связано с недавним буржуазным прошлым и для того, чтобы двинуться дальше вперед, нужно подвергнуть эти ошибки серьезной критике.

Съезд способствовал укрепленю дружбы эстонских писателей с писателями братских республик, обмен изданиями и переводами, переписки, поездки в братские республики, обмен делегациями. В далекой Тувинии об эстонских писателях поэт Капа Сейтнев, на Украине эстонских поэтов переводит Л. Первомайский и В. Сорова, в Латвии, Литве, Белоруссии не раз с теплым чувством вспоминают эстонских товарищей по перу.

Л. ТООМ.
ТАЛЛИН. (От наш. спец. корр.)

Объединение перевода поэмы Бедля. План издательства «Советский писатель». Новая редакция альманаха «Дружба народов». В бюро пропаганды художественной литературы ССП.

Новая пьеса А. Крона. 25-летие литературной деятельности Д. Петровского. Ученые в гостях у писателей.

ты камнем». И. Эренбурга «Падение Парижа» и В. Яна «Чингисхан». Книжки рассказов С. Диковского, Л. Собольев, избранные произведения поэтов М. Алигер, П. Антокольского, Н. Асеева, Э. Вагрицкого, Демьяна Бедного, А. Бзыменского, А. Жарова, В. Инбер, В. Лебедева-Кумача, С. Маршак, С. Михалкова, Б. Пастернака, А. Прокофьева, И. Сельвинского, Н. Тихонова и С. Шпилачева.

«Библиотека поэта»

Секретариат утвердил новый состав редколлегии «Библиотеки поэта», в которой вошли: И. Груздев, А. Прокофьев, А. Еролин, Л. Плоткин, Н. Тихонов, И. Сергиевский, В. Сайнов, В. Дружин и Г. Скокьер. Секретариат рассмотрел предложенный ред. коллегией план большой и малой серии «Библиотеки поэта» на 1947—48 гг. Будет издано 16 очередных книг «большой серии» «Библиотеки поэта» и начато второе издание «малой серии», первое издание которой заканчивается в этом году выпуском последней, 60-й книги — «Стихотворения Горького». Тиражи этих книг решено увеличить — «большой серии» до 10 тыс., «малой серии» — до 20 тыс. экземпляров.

С сообщением о работе бюро национальных комиссий выступил на заседании П. Скокьер. Л. Субоцкий рассказал о плане работ бюро пропаганды художественной литературы ССП СССР. До конца текущего года и в первой половине 1947 г. в Колонном зале Дома союзов, в Политтехникуме музеи и в МГУ состоится ряд больших литературных вечеров.

Секретариат утвердил состав Совета при бюро пропаганды художественной литературы, в который вошли: В. Лебедев-Кумач (председатель), Л. Касиль (зам. пред.), М. Чарный, А. Соболев, Г. Броман, И. Андроников, М. Матуковский, А. Жаров и Л. Никулин.

«Второе дыхание»

«Второе дыхание» — так называется новая пьеса драматурга Александра Крона. В пьесе показаны офицеры Советского Военно-Морского флота во фронтовой обстановке, на последнем этапе Великой Отечественной войны.

На-днях автор прочитал свою новую пьесу на собрании секции драматургов ССП в Клубе писателей. В обсуждении приняли участие Н. Коварский, М. Бертенсон, Л. Лагин, Г. Штайн, И. Чибуров и др.

По мнению И. Коварского «Второе дыхание» — лучшая пьеса А. Крона. Одно из ее достоинств — в том, что автор сумел показать и раскрыть огромную духовную силу советского человека.

Выступавшие отметили, что к проблемам любви и морального долга советского человека драматург подошел серьезно и глубоко, показав людей, типичных для нашей советской действительности и в то же время не примелькавшихся в других пьесах.

В поэтической секции

Очередное собрание секции поэтов (29 ноября) было посвящено творчеству Дмитрия Петровского. Этим московские поэты отметили 25-летие его литературной деятельности.

Вечер открыла Вера Инбер, приветствовавшая юбиляра от имени писательской общности Москвы.

В. Шкловский охарактеризовал творчество поэта Дм. Петровского, широко использующего в своих произведениях русский эпос.

П. Скокьер считает большим удачею новую поэму Дм. Петровского «Святослав».

В ответной речи Дм. Петровский рассказал о своих творческих исканиях и замыслах и благодарил собравшихся за внимание к его работе.

С теплым произведением поэта выступили артисты С. Фадеев, Н. Першин и др.

Литература и наука

За большим овальным столом — деяти науки и культуры, новаторы производства, знатные ученые страны. В дружеской беседе, происходившей 30 ноября в Московском клубе писателей, они рассказали о новом в науке и технике, высказали свои пожелания о расширении тематики произведений советских писателей.

Академик медицинских наук А. Вишняцкий рассказал о своих методах лечения воспалительных процессов. Лауреат Сталинской премии проф. Л. Ланлау, избранный в этот день в академики, с увеличением говорил о важнейших задачах, стоящих сейчас перед советскими физиками. Герой Социалистического Труда Ф. Токарев сообщил о своих работах над новым панорамным объективом для ленточного фотоаппарата.

Интересно и живо обрисовала депутат Верховного Совета СССР Т. Федорова самоотверженный труд метростроителей.

Писатели часто разезжают по стране, — сказала она, — но почти никто не спустился в шахты, чтобы посмотреть, как под этим самым каждым писателем люди сооружают четвертую очередь метро.

О работе летчика-испытателя, о чувствах pilota, впервые поднимающегося в воздух для испытания новой машины, о проблемах советского самолетостроения говорил Герой Советского Союза В. Коккиняки.

Сложный путь, который проходит новая модель автомобиля, — от чертежа до спуска с конвейера, подробно описал лауреат Сталинской премии конструктор «ЗИС-110» Б. Фитеман.

Депутат Верховного Совета СССР А. Сергеева рассказала о работе Трегторки, коллектив которой взял обязательство выполнить 200 процентов плана по выпуску такой же очень интересной работы для молодой советской ученицы-математик 23-летний доктор математических наук И. Шафаревич.

Все выступавшие пригласили писателей к себе в лаборатории, на заводы, шахты, где непосредственное наблюдение за трудовыми процессами и личное общение с людьми помогут литераторам с большей глубиной и знанием материала раскрыть образ современного советского человека.

В этот день хозяевами клуба были В. Шкловский, В. Финк, И. Андроников. Приветствуя от имени совета клуба гостей и благодаря их за интересные выступления, И. Андроников сказал:

Писатели принимают предельный им счет и в своих поэмах положительного героя поднимают с летками и небеса, спускают в шахты и пойдут в лаборатории, чтобы следить за развитием творческой мысли и изучать своих героев в живой повседневной жизни.

Л. ТООМ.
ТАЛЛИН. (От наш. спец. корр.)

Памяти И. Вареса

ТАЛЛИН. (От наш. корр.). Ветер полнеет траурные знамена. В зале театра «Эстония», где только что раздавались голоса участников Первого съезда советских писателей Эстонии и их гостей из братских республик, звучит печальная мелодия.

Здесь, среди венков и знамен, покоится прах Иоханнес Вареса-Барбаруса, революционера, государственного деятеля и поэта.

И. Варес родился в 1890 г. в маленьком городе Пярну. После окончания гимназии он учился в Киеве на медицинском факультете и уже в первую мировую войну работал врачом. Вместе со своим другом поэтом И. Семпером и классиком эстонской литературы Э. Вильде Барбарус был в числе первых антифашистов Эстонии. Он выступал в те годы, когда многие представители эстонской интеллигенции были далеки от сознания опасности, которую несет фашизм культуре.

Варес годами трудился в качестве врача страховой кассы и мог использовать для поэзии лишь ранние утренние часы. Стихи могли прокомментировать в буржуазной Эстонии. Но дело не только в этом: вразумная деятельность была необходимым этому горячему борцу, потому что позволяла тесно соприкасаться с народом. А он во всех случаях жизни был другом своего народа, его слугой. В дни черной реакции поэт был советским эстонского народа, который еще раньше одел и побил его, как вынужденного, талантливого и бескорыстного врача. Удивительно ли, что в момент решающего переворота, когда в июне 1940 года рухнул старый мир, народ выдвинул Иоханнес Вареса-Барбаруса на ответственный пост государственного деятеля. В 1940 году он был президентом народного правительства, а затем председателем Президиума Верховного Совета ЭССР.

До 1940 года Барбарус дважды был в Советском Союзе и выступил в эстонской печати со статьями о СССР. Впоследствии его поэзия, обусловленные государственной необходимостью, являлись тем материалом, который он превращал в поэтические произведения. Стихи Барбаруса о Москве, о Ленинграде, о советском народе поражают глубиной возлюбленностью и любовью. Русский читатель знает Вареса по сборникам стихов, которые издавались Гослитиздатом. Особенно сильно звучал поэтический голос Барбаруса в суровые годы Отечественной войны. Его стихи «Вена в Эстонии», «Нов родина» и др. были ненавязчиво, немалым-замышленным, безграничной любви к порабощенной родине. Лиризм и радость слышны в его произведениях, написанных после освобождения Эстонии от ига немецких оккупантов («Новая на родине», «Таллин», «Песня победы» и др.).

Барбарус — это воплощение лучших черт эстонского народа, его мужества, его творчества, трудолюбия, честности, упорства. Он был верным сыном своего народа. И именно поэтому идею дружбы советских народов он смог так хорошо выразить в своем стихотворении «Вратство поэзии». Просто и естественно вошел Варес в советскую культуру. Он останется в ней как певец эстонского народа, передовой деятель Советской Эстонии.

У писателей Литвы

ВИЛЬНОС. (От наш. корр.). Состоялся литературный вечер, на котором поэты В. Миколайтис-Путинас, Т. Тильвинс, В. Валюсонис и А. Венцлова прочитали свои новые стихи, посвященные социалистической родине. Отрывок из рассказа «Ломать хлеб» прочел писатель Ю. Балтушис.

В клубе писателей состоялся обсуждение еженедельной газеты «Литература и искусство» («Литература и искусство»). Доклад о проделанной работе сделал редактор газеты И. Шинкус. Выступающие в прениях писатели особо отметили слабое участие критиков в работе газеты.

Для подготовки антологии литовской литературы правление ССП Литвы создало редакционную комиссию под председательством А. Венцлова.

Гослитиздат Литовской ССР выпуска